

политой: в противоположность этому, мелкая шляхта все еще судорожно держалась за традиции «золотой свободы» и в духе таких традиций боялась усиления центральной королевской власти. Такая обстановка складывалась к 60-м годам XVIII в., когда впервые появление таких периодических органов, как «Monitor», стало свидетельствовать о глубочайшем сдвиге, происшедшем в умах более образованных людей того времени. Любопытно, однако, что и «Monitor», при всей своей приверженности к идеям «века просвещения», не пропускает случая напасть, вроде нашего Крылова, на слепое подражание всему иностранному; его позиция, следовательно, представляет собою некоторый компромисс между двумя вышеуказанными течениями.

Судьба того литературного движения, которому обычно присваивается название «вторичного классицизма», уже во многих отношениях выяснена, ибо ему уделялось до сих пор, по понятным причинам, преимущественное внимание. Нас же сейчас интересует второе течение, вышедшее из недр мелкого шляхетского люда, несшее черты родной «сарматской» грубости, примитивизма и непосредственности. Оно в своих представителях не блещет такими крупными именами, как Красицкий или Нарушевич, да и вообще его представители не заботятся о литературной славе. Но идеологически оно несколько не менее насыщено переживаниями этой трагической в польской истории эпохи. Только «условность», связывавшая по традиции литературу классическую, здесь была в значительной степени ненужна и потому отброшена; мы наблюдаем, что конфедераты сумели без этой мифологической и прочей условности иногда достаточно ярко отразить свои мысли и, по крайней мере, удовлетворить запросы той аудитории из средней и мелкой шляхты, на которую они прежде всего рассчитывали. В особенности резкое осуждение легкомысленного образа жизни магнатов, их привычек к роскоши и иностранным обычаям — было частым предметом нападков со стороны отстаивавших известные моральные устои конфедератов. Если и официальная печатная литература касалась данного вопроса в ряде своих сатир и комедий, то делала это лишь робко, спорадически и опять-таки условно, ибо каждый автор, выступая под своим именем со слишком резкой и откровенной критикой, рисковал себе нажить много врагов не на жизнь, а на смерть и потому лишь очень редко отваживался на это. Пример же Венгерского показал, к чему может привести слишком далеко идущее осуждение. Здесь же мы имеем дело с литературой, которая вообще для печати не предназначалась и потому презирала подобные соображения. Возникшая в пылу острой политической борьбы, перешедшей вскоре в открытое военное столкновение, поэзия барских конфедератов отражала отчасти политические пам-